

ЕВГЕНИЙ ЧИТИНСКИЙ

**"ЛИНИЯ СТАЛИНА"
ЛЕЙТЕНАНТА СТАРНОВСКОГО**



16+

Евгений Читинский
«Линия Сталина»
лейтенанта Старновского

«Автор»

2021

Читинский Е.

«Линия Сталина» лейтенанта Старновского / Е. Читинский —
«Автор», 2021

ISBN 978-5-532-93888-5

О первых днях ВОВ, о первых столкновениях и боях наших подразделений с немцами рассказывается в этой книге. Фото на обложку взято из коллекции редактора и составителя книги.

ISBN 978-5-532-93888-5

© Читинский Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ГЛАВА 1. Старновский, диверсант и поляки	5
ГЛАВА 2. ГРАМОТНАЯ АТАКА НЕМЕЦКИХ ТАНКОВ	8
ГЛАВА 3. ПЕХОТА ПРОТИВ ТАНКОВ	12
ГЛАВА 4. ПОСЛЕДНИЙ КОЗЫРЬ КОМАНДАРМА КОРОБКОВА	14
ГЛАВА 5. С ТОГО СВЕТА	16
ГЛАВА 6. МИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН	20
ГЛАВА 7. МИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН	23
ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ НЕУДАЧА ГУДЕРИАНА	26
ГЛАВА 9. ЛИНИЯ СТАЛИНА	28
ГЛАВА 10. ЛИНИЯ СТАЛИНА ЛЕЙТЕНАНТА СТАРНОВСКОГО	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Читинский

«Линия Сталина»

лейтенанта Старновского

ГЛАВА 1. Старновский, диверсант и поляки

25 июня 1941 года, вторая половина дня

Полуторку трянуло на очередном ухабе сильнее обычного, и тут же Солнцев яростно застучал кулаком по кабине:

– Подкорытов! Не дрова везешь!

Новоявленный шофер скривился, как от зубной боли, и сбавил скорость, стараясь бережнее везти раненых, которые были уложены в кузове всего лишь на шинели.

От этого удара Старновский и очнулся. Голова сильно болела, будто сжатая огненным обручем, в который кто-то сзади вбил большой гвоздь. Взгляд прояснился, и в дополнение к голосу Солнцева появилось изображение озабоченной физиономии рыжего бойца. Грузовик поехал мягче, и боль на время утихла. Старновский улыбнулся и еле слышно проговорил:

– Василий, как ты здесь оказался?

– Тащ лейтенант! – обрадовался ефрейтор, и его хмурое лицо тут же расцвело солнечной улыбкой до ушей. – Тащ лейтенант, всё хорошо, мы в госпиталь едем!

– Где взвод? Где рота? Позииции удержали?

– Удержали! Артиллеристы раскатали немцев в пух и прах! Любо-дорого было смотреть!

– А где наши?

– Так там, на позиции, остались! Сержант Васильев возглавил батальон, всех командиров или поубивало, или ранило, как вас и капитана Белоярова. Он как раз на второй машине едет! Там раненые. Раненых много, все три машины ими загрузили! Вот и едем в госпиталь! Смотрите, сержант Васильев даже приказ написал, что я отправляюсь старшим с машинами для доставки раненых! Так что я буду с вами до самого госпиталя! – Солнцев достал из нагрудного кармана вырванный из блокнота листок бумаги с почерком и подписью Васильева.

– Как там наши? Держатся ли?

– Не волнуйтесь, сержант Васильев сказал, что подкрепление подойдет! Обещали!

К 8 часам 25 июня 1941 года вторым эшелоном 55-ой стрелковой дивизии и сводными отрядами 14-го механизированного корпуса продвижение немцев на рубеже железной дороги Русиновичи-Тальминовичи было остановлено. Железнодорожная насыпь оказалась подходящим препятствием для танков Гудериана, сужая возможности для манёвра, существенно ограничивая их переездами и делая предсказуемыми направления возможных ударов.

В дальнейшем, как Гудериан ни маневрировал, как ни обтекал позиции русских на этом рубеже, везде наткнулся на сплошную линию обороны русской пехоты, насыщенную артиллерией, с мобильным резервом в виде уцелевших танков Т-26. Убедившись в стойкости русских войск, немецкое командование взяло паузу для подготовки решительного наступления.

В это время сводный батальон сержанта Васильева, отбив атаку немцев и пользуясь временным затишьем, продолжал окапываться.

Рядовой Малец, закончив углублять стрелковую ячейку и окоп, устало присел на бруствере, закурил, глядя в небо. Тут же подошел сержант Васильев.

– О чем задумался, солдат? Почему не копаем?

Не успел красноармеец ответить, как за него сказал верзила Орловский:

– А что ему копать-то в полный рост? У него этого росту метр с кепкой, как его вообще в армию взяли!

Рядом раздались смешки, других бойцов, они оживились и забалагурили:

– Это Орловскому с его двухметровым ростом копать и копать, вот и завидует Мальцу! Тому, что ковырнул землю лопаткой пару раз, вот тебе и окоп полного профиля!

– Позавидуешь! Как немец стал лупить, я тоже захотел стать ма-а-аленьким!

Иван слушал всё это и только усмехался, а затем задумчиво сказал:

– К вечеру, наверное, дождь пойдет, вон как парит!

Сержант Васильев сел рядом с Мальцом и тоже закурил, а потом громко крикнул:

– Перекур десять минут!

Солдаты устало бросили лопаты и тоже стали доставать курево, тревожно прислушиваясь к тишине.

Малец негромко сказал:

– А лейтенант-то наш поди уже в госпитале, на чистой кровати лежит себе полеживает и отдыхает.

– Наверное! – согласился сержант.

Но оба они были неправы. Грузовики с ранеными, прибыв к зданию, где был госпиталь, обнаружили здесь только санитаров, которые загружали железные кровати в старенькую полуторку.

– А где госпиталь? – спросил упавшим голосом Солнцев.

Один из санитаров, здоровенный старшина, сочувственно сказал:

– Опоздали вы, ребята. Драпанул госпиталь, а куда, не знаем! Вон одни кровати остались. Нам и приказали везти их в Минский окружной госпиталь. Раз вы на машинах, советую вам ехать вместе с нами в Минск.

– Да у нас бензина в обрез! – зло ответил Василий. Рядом встал Подкорытов и еще один водитель.

Раненые приподнимались из-за борта грузовиков и встревоженно смотрели на происходящее.

Санитар тем временем, поправив повязку с красным крестом на рукаве, подошел поближе к Солнцеву и тихо сказал:

– Ты вот что, ефрейтор, ты не серчай, сейчас мы твоему горю поможем. Вон там! – санитар показал на кирпичную хозяйственную пристройку. – Осталась пара бочек с бензином. Бери! А пока твои грузовики заправляются, давай мы глянем твоих раненых. Всё равно им отдохнуть надо от тряски. Перевяжем раны, мази наложим, все легче им будет! А потом с нами, одной колонной поедем! Вместе-то ехать веселее будет!

– Сами-то откуда будете?

– С Брестского госпиталя, 28-го стрелкового корпуса. За лекарствами на склады поехали, вот и уцелели! А наших, говорят, там сразу же всех и накрыло! В самой крепости. На самой границе. Вредительство это! Нельзя его было там на виду у немцев располагать! Вредительство это самое настоящее! Обманывают товарища Сталина! Не знает он всей правды! Кругом вредители, потому немец и прёт! – последние слова старшина сказал с особой злостью.

– И что, теперь раненых в Минск везти?

– Конечно! Там окружной госпиталь, мы своих раненых, которые с нами отступали, уже туда отправили, вот сами сейчас поедем. Загрузим кровати и поедем! И ты давай с нами! Нечего тут делать! Командование не просто так раненых в Минск отправило и нас заставило туда кровати везти! Ну так что, вы с нами?

– Мне приказали доставить раненых в госпиталь, значит, я их доставлю!

– Правильно, вместе оно веселее ехать! В Минске большое начальство сидит, ему виднее! А где большое начальство, там и войск больше, а значит, нашему брату и раненым спокойнее будет!

Один из санитаров повел водителей в подсобное помещение, откуда они выкатили небольшую бочку с бензином.

– А ты воевал? – тут старшина с уважением посмотрел на снайперскую винтовку Солнцева.

– Малость пришлось!

– Хоть одного немца убил? – глаза старшины испытующе уставились на Солнцева.

– Убил! Трех точно, остальных посчитать трудно было!

– Это добре! Это добре! – старшина, казалось, душой оттаял, а затем довольным голосом добавил: – Всё меньше сволочей по белому свету ходить будет!

Водители уже стали ведрами заливать бензин в баки.

Глядя на них, старшина, как будто убеждая самого себя, продолжал говорить:

– А в Минске-то оно спокойнее будет. Большое начальство там сидит! Там будет лучше!

Однако и он ошибался. Минск бомбили. Нешадно бомбили!

Взрывы авиабомб хорошо были слышны в подzemелье старинного особняка, расположенного на окраине города. Здесь в небольшой камере сидел бывший штабс-капитан Николая Бунин, а ныне обер-лейтенант вермахта, матерый диверсант полка «Бранденбург-800».

Утром его успели допросить, но на удивление сильно не били, долго не расспрашивали, словно торопились куда-то. Это радовало и в то же время настораживало. Было ощущение, что жертву готовили для более важного охотника. Сняли, так сказать, первичные показания, где он особо ценного ничего не сказал. Допросили и забыли! На целый день! Уже вечер, а им даже пожрать ничего не принесли! И попить! Может, и вправду про них забыли?

Про них – это потому что в камере были еще двое. Эти пленные поляки поначалу вызвали у Бунина подозрение, уж не подсунули ли их сюда для того, чтобы в доверительной беседе выведать то, что человек не скажет следователю.

Но, судя по тому, как замкнуто и подчеркнуто отчужденно вели себя поляки, было видно, что в разговоры лезть они не намеревались. Кроме того, потрепанная форма капитана НКВД диверсанта Бунина тоже особо к разговорам не располагала. Поляки только о чем-то негромко шушукались между собой на своем языке, думая, что их сокамерник ничего не понимает и просто дремлет на деревянных нарах.

Однако Бунин всё прекрасно понимал и всё слышал. Говорили они иносказательно, намеками, но суть он понял – поляки обсуждали варианты побега! И если подумать, как следует, то действительно шанс был!

ГЛАВА 2. ГРАМОТНАЯ АТАКА НЕМЕЦКИХ ТАНКОВ

25 июня 1941 года, вторая половина дня

– Воздух! – звонко крикнул наблюдатель, и все поспешно юркнули в окопы. Девятка юнкерсов медленно заходила на позиции сводного батальона, в котором теперь осталось менее сотни бойцов. Засвистели бомбы, содрогнулась земля, и началась адская смертельная карусель. Сержант Васильев, как новый командир батальона, находился в штабном вагоне. С первыми взрывами он укрылся в противовоздушной щели, вырытой тут же в трех метрах от железнодорожной колеи. Из-за поезда не видно было, что творится на позициях батальона, и сержант решил залезть под вагон, посмотреть, что там делается, а заодно доложить в штаб сводного полка о начавшейся бомбежке, пока еще была связь. Немецкие лётчики избрали своими приоритетными целями невысокий холм на правом фланге батальона, где располагались пушки старшего лейтенанта Варданяна, и кромку леса на левом фланге, где находилась батарея капитана Сибагатуллина. Бомбы ложились метко и кучно. Сержант стиснул зубы. Если дело так пойдет и дальше, то больше огненный мешок немцам уже не устроишь. Фланкирующего артиллерийского огня больше не будет.

Налет «Юнкерсов»

– Умеют воевать, сволочи! – процедил сержант и ткнул в плечо лежащего рядом телефониста. – Связь давай со штабом полка!

Тот покрутил ручку, прокричал в трубку:

– Первый! Первый, я Ромашка, как слышите? Прием!

В ответ трубка что-то прохрипела. Красноармеец протянул её сержанту, коротко бросив:

– Есть связь! Тот схватил её, и, стараясь перекричать грохот бомбежки, доложил:

– Сержант Васильев, командир Ромашки!

Там уже знали, что майор Романов убит, капитан Белояров и лейтенант Старновский ранены, и никого из командиров, кроме сержантов, в батальоне не осталось.

– Что у тебя? Бомбёжка?

– Так точно! Артиллерийские позиции бомбят, сволочи! Боюсь, что накрыли их! Да и батальону достается! – он, не переставая, смотрел за полем боя.

Второй заход юнкерсы сделали с продольным пролетом над всеми позициями русских и уже окончательно построились в смертоносную карусель, отбомбившись в первом заходе точно по фланговым батареям. В трубке озабоченно выдали ценное указание:

– Держись, сержант! Сейчас всем тяжело! Немец рвётся вдоль Варшавского шоссе и атакует по всей линии обороны! Не только тебе достается!

– Но после бомбежки они пойдут в атаку! Иначе зачем бомбить?

– Маневрируй пушками. И про связки гранат не забудь. Отсекаешь пехоту – и гранатами бей танки! Давай, сержант, действуй! Как пойдут танки – немедленно сообщи! Всё, отбой! Трубка замолчала. Васильев, досадливо поморщившись, отдал её телефонисту и снова устоял на позиции батальона. И тут же спрятался за железные колеса, стараясь прижаться ниже рельсов. Но куда там! Осколки от близко разорвавшихся бомб брызнули под вагон. Телефонист ойкнул, один из осколков ударил по его каске, Васильев почувствовал, как второй осколок, задев гимнастерку на плече, пролетел буквально над его ухом. Поднимать голову решительно расхотелось. Упершись каской о железное колесо, он просто лежал и ждал конца этой бомбежки. Бомбежка кончилась неожиданно. Сержант тут же приказал связаться с ротами, чтобы доложили про потери. Но связи не было. Телефонист нехотя пополз по линии телефонного кабеля исправлять повреждения. В это время из рот прибыли связные и доложили: в пер-

вой роте 7 человек убиты, 12 ранены, в строю вместе с легкоранеными осталось 24 человека. Во второй роте 3 убитых, 6 раненых, в строю осталось 18 человек. В третьей роте 1 убитый 5 раненых, в строю осталось 12 человек. Из пушек на позициях батальона уцелела одна сорокапятка и пять артиллеристов. Потом прибыли связной от батареи Сибагатуллина, которая располагалась на левом (южном) фланге. У него осталась две полковушки (76-мм пушка с коротким стволом) и 14 человек. От Варданяна посыльного не было. Это вызывало тревогу. Сержант мрачно рассматривал в бинокль развороченную высотку, где еще недавно прятались дивизионные 76-мм пушки с длинными стволами (Ф-22 УСВ) и две сорокапятки. Дивизионки были главной ударной мощью «огневого мешка». На небольшом холме все деревья были повалены, даже отсюда были видны дымящиеся воронки. С трудом верилось, что там вообще кто-то мог остаться в живых! Нужно было доложить в штаб полка, что в строю осталось всего 54 человека, две полковушки, одна сорокапятка и 19 артиллеристов. Нужно было срочно вывозить раненых. Их только в батальоне было 23 человека, да еще и у артиллеристов 8 человек. Батарея Варданяна молчит. Связь с полком пока еще была. За эшелоном ни одна бомба не упала. Немцы бомбили с поразительной точностью. Работали явно высококлассные лётчики. Сержант сам покрутил ручку телефона, вызывая штаб полка. И в это время раздался громкий крик:

– Танки!

Из леса по дороге выехали два танка Т-3 (так определил сержант), и, разъехавшись чуть в стороны, замерли, словно изучали обстановку. Следом из леса высыпала немецкая пехота и шустро побежала в сторону левого и правого фланга. Не отрывая взгляда от немцев, сержант наконец услышал голос в трубке:

– Первый слушает!

– Первый! Это Ромашка, нас атакуют танки. Два средних Т-3. И до двух рот пехоты противника! У меня в строю осталось всего 54 бойца, две полковушки и одна сорокапятка.

– Понял, держись! Два танка это семечки! Держись! Об изменении обстановки докладывай. Всё! Сержант с сожалением положил трубку, надеясь, что начальство поди догадалось, что это только передовой отряд.

– Огонь, твою мать! – заорал сержант из-под вагона, словно в окопах впереди могли его услышать.

Но командиры рот, а фактически неполных взводов, и сами знали, что делать. Ударили трофейные пулемёты, застучал «Максим» (тот самый, отбитый у немцев), затрещали винтовочные выстрелы. Немцы упали, но затем короткими перебежками снова рванули на фланги, уходя от стреляющего центра русских позиций. Сержант напрягся. Он, конечно, усилил фланги пулеметами, и по одному выделил непосредственно артиллеристам, кроме того, дал соответствующие указания своим ротным (взводным), но больше в данной ситуации он ничего сделать не мог. Ох, нелегко быть командиром батальона. Ведь получается, что твое главное оружие – это трубка телефона! Хотя сейчас он, по сути дела, командовал взводом, усиленным артиллерией и занимавшим позиции, полагающиеся батальону.

Однако сержант немного схитрил, докладывая наверх про наличие бойцов. В резерве у него было еще 10 человек, вооруженных двумя трофейными пулеметами, автоматами и винтовками СВТ, а еще дальше в тылу был припрятан мотоцикл с двумя ручными немецкими пулеметами. Один, как положено, установлен на люльке, а второй держал боец, сидящий на заднем пассажирском сиденье. Он должен был стрелять спешившись, поддерживая мобильную огневую точку! Мобильный резерв! Последний резерв! Бойцов на позициях хоть и было мало, но зато трофейных немецких пулеметов у них было аж восемь штук. Это тех, которые были в окопах. Значит, должны были отбиться! Два танка – это действительно «семечки»!

Артиллеристам была дана установка открывать огонь самостоятельно, исходя из складывающейся обстановки. А они пока молчали, чтобы не обнаруживать себя и в то же время бить наверняка. Но немецкие танки ближе не подходили. И сейчас расстояние до них было 900—1000 метров. Тем временем веер немецкой пехоты раздвигался, однако же наши пулеметы делали свое дело и окончательно прижали немцев к земле. Сержант вздохнул с облегчением, рассматривая в бинокль поле боя, а заодно следя, как телефонист ползет к позициям вдоль телефонного кабеля. Связь была нужна! Ох как нужна! И тут вступили в дело стоящие немецкие танки.

Они деловито и методично стали накрывать артиллерийским огнем пулемётные точки. Первым досталось «Максиму». Даже отсюда было видно, как станковый пулемет опрокинулся на бок и исчез в окопе. Затем немцы спокойно стали выбивать остальные пулеметы. Немецкая пехота зашевелилась и пошла в атаку. Тут и рывкнули обе полковушки левофланговой батареи. Возле танков взметнулись взрывы. Те развернулись лобовой броней к русским пушкам, выждали момент для прицеливания и выстрелили. Завязалась артиллерийская дуэль. Двое на двое!

Немецкая пехота снова рванула на фланги, стремясь захватить или уничтожить русские пушки. Причем делали это таким образом, чтобы уйти с линии огня своих же танков. Пулеметы батальона снова оживились, но десяток немцев уже заходил во фланг батареи капитана Сибатуллина. Пулемет, выделенный артиллеристам, молчал. Со стороны батареи раздалась стрельба винтовок и автоматов. Затем прекратило огонь одно орудие, потом и второе. А вскоре с опушки леса в том месте показалась зелёная ракета. Немецкие танки снова развернулись в сторону батальона и открыли огонь из пушек. Немцы, которые нацелились на правофланговую высотку, где была батарея Варданяна, тоже благополучно достигли цели. И оттуда вскоре в небо взвивалась еще одна зелёная ракета. А минут через пять на дороге, ведущей из леса, стали появляться немецкие танки! Сержант Васильев, сосчитав до десяти, тут же принялся звонить в штаб.

– Первый, Первый, это Ромашка, нас атакуют танки. Двенадцать штук. Нет, уже четырнадцать. Все наши орудия разбиты. Немецкая пехота захватила обе батареи!

И тут сержант немного схитрил. У батальона осталась одна сорокапятка и связки гранат! Но пусть они там в штабе немного озаботятся и дадут подкрепление!

Немецкие танки в наступлении...

А тем временем немецкие танки Т-3 (различных модификаций) развернулись и стремительно стали приближаться к окопам батальона. Расстояние в 1000 метров они преодолели всего за три-четыре минуты, двигаясь по кочковатому, слегка заболоченному полю.

С расстояния в 500 метров по танкам открыла огонь сорокапятка. Первым выстрелом она поразила под башню панцер, который попер по проселочной дороге. Затем вторым выстрелом поразил танк, который шел левее. Этот первый успех имел очень большое психологическое значение. Пехотинцы увидели, как к сгоревшим остовам предыдущих танков добавились два новых. Это прибавило уверенности. Никто в панике не побежал. Не будем забывать, что это была еще кадровая армия из 18—20 летних парней, которые в силу своего возраста были еще дерзки, смелы и отчаянны. А еще они верили в свою Родину! Да и в руках у них были связки гранат. Много гранат! А кидать гранаты они умели!

Противотанковая пушка 45 калибра

Два немецких танка, шедших непосредственно на сорокапятку, остановились и открыли ответный огонь. Остальные продолжали неотвратимо накатываться на позиции батальона. Вернее, усиленного взвода!

Расчет сорокапятки и тут умудрился, как на учениях, расстрелять один из остановившихся танков. Но второй всё же достал русскую пушку. Взрывом разметало людей, пушка перевернулась на бок. Выскочивших из горевших «троек» немецких танкистов с особым ожесточением расстреляли из винтовок и пулеметов. Только двум из них удалось спастись. Так немцы начинали терять свою кадровую армию. Тем временем вражеские танки ворвались на позиции батальона.

ГЛАВА 3. ПЕХОТА ПРОТИВ ТАНКОВ

25 июня 1941 года, вторая половина дня

– Ребята, не робей, пехоту отсекаем, танки пропускаем! А ежели танк на вас ползет, не ждите, когда он вас будет засыпать, отходите в сторону, а если он прёт на вас вдоль окопа, то суньте ему, гаду, гранату под гусеницу, или проползайте под днищем – и в корму ему гранты! Не ждите, уходите в сторону, проползайте под днищем – и в корму ему гранаты! Уходите в сторону – и в корму! Да под гусеницы! – младший сержант Анисин обходил бойцов и повторял приказ сержанта Васильева. А того, в свою очередь, этому учил сам лейтенант Старновский! Ну, не только его, а и весь свой взвод. Еще до войны. Так что бойцы знали, что делать.

Поэтому, когда немецкие танки принялись утюжить окопы русских, паники среди обороняющихся не обнаружилось. Красноармейцы маневрировали вдоль окопов, уходя с линии атаки. А если танк пёр вдоль окопов, то при виде грохочущего и смердящего выхлопными газами брюха пантера красноармейцы шустро, как жуки, на карачках переползали в сторону кормы, и, поминая чертову бабушку и употребляя другие крепкие словечки, со злостью кидали тяжелые связки гранат прямо на корму бронированных чудовищ. Сержант Васильев, следя за полем боя со своего НП, с удовлетворением отмечал, что ни одного паникера не было. Оно и понятно, после стольких боев в батальоне (вернее, в усиленном взводе) остались только самые закалённые бойцы. На них-то и нарвались немцы!

Да и гранат было много. Поэтому можно было спокойно связывать ручные гранаты РГД-33. При этом к одной, несущей гранате привязывали три остальных рукоятками в противоположную сторону. Для облегчения веса с них снимались осколочные рубашки (без них вес одной гранаты составлял 495 г. $4 \times 495 = 1980$ г, то есть почти 2 кг), так что уверенный бросок мог получиться только на дистанции до 10-ти метров. Так как время горения запала составляло 3,5—4 секунды, то этого вполне хватало, чтобы связка могла спокойно долететь и рвануть на корме танка. При этом не всегда получалось пробить броню. Кроме того, несколько связок гранат скатились с брони вниз и рванули впустую. Хотя нет, не впустую, танкисты, услышав взрывы, начинали нервничать и съезжать с окопов.

Младший сержант Георгий Анисин свою связку кидать не стал. Он с колотящимся от страха сердцем высунулся из окопа перед самым носом прущего вдоль окопа танка, примерился и сунул на пути гусениц связку гранат. Затем, нырнув на дно окопа, Жора, как жук, пополз вдоль днища танка. Немецкий панцер доехал до того места, где скрылась голова русского пехотинца, и принялся разворачиваться, чтобы засыпать вражеского солдата, и в этот момент под его гусеницей рвануло! Т-3 по инерции крутанулся дальше и застыл поперёк окопа. Тут подбежал еще один боец, положил на корму танка связку гранат, а сам сиганул под днище. Раздался еще один взрыв, и танк начал гореть! Его экипаж принялся лихорадочно выбираться из горящей машины, но младший сержант и боец сразили их. Первый из СВТ, второй штыком заколол танкиста, который вылез через боковой люк, расположенный между верхней частью гусеницы (уцелевшей) и нижними катками. Немец вывалился прямо в окоп, неудачно выставив руки, чтобы не свернуть шею. Он вскрикнул от боли и повалился на бок. Тут-то его и настиг русский четырехгранный штык. Войдя в спину, он окончательно пришил фашиста лицом в грязь окопа.

– Жри русскую землю! – зло сказал красноармеец, с трудом вытащив штык обратно. А наверху продолжал грохотать бой. Немецкая пехота, которая не полезла в лоб на оборонительные позиции русских, теперь атаковала с флангов, поддерживая свои танки и заставляя

наших бойцов отвлекаться на них. Если удастся отсечь немецкую пехоту от танков, то можно всю атаку отбить. Это понимали как советские бойцы, так и немецкие солдаты. Схватка русского духа и немецкой дисциплины разгоралась с невиданной силой. И если с одной стороны была отчаянная решимость, то с другой стороны присутствовал холодный, нордический расчет. Вот уже половина немецких танков горела. Остальные семь вдруг разом рванули к переезду, словно ужаленные злыми осами разъяренные слоны. В это время немецкая пехота захлестнула окопы русских. Сержант Васильев понял, что настал решающий момент, и скомандовал своему мобильному резерву:

– Ребята, за мной, связист остается на месте!

Десяток бойцов, вооруженных автоматами, винтовками СВТ и двумя трофейными ручными пулеметами, устремился вперед. Немцы, которые заходили с правого фланга, от разгромленной батареи Варданяна, вдруг увидели, что к ним, в свою очередь, с тыла зашли русские и ударили при поддержке двух пулеметов. Находящиеся здесь немцы этого не выдержали и бросились наутек, падая, сраженные очередями. Но половина из них все же сумела удалиться от вражеского огня, сначала на безопасное расстояние, а потом нырнуть под сень спасительного леса, откуда они всего полчаса назад начали свою атаку.

Немцы, атакующие с левого фланга и успешно прошедшие почти до центра русских позиций, по инерции еще вели перестрелку с отступившими вдоль окопа красноармейцами, но, увидев, как на противоположном фланге их собратья по оружию драпанули, сразу же отошли вдоль позиции русских, разорвав дистанцию перестрелки, и принялись укрепляться на левом фланге русской обороны. Сил ни у той, ни у другой противоборствующей стороны на новые атаки уже не было. Пришлось сержанту Васильеву смириться с тем, что полностью отстоять свои позиции не удалось. Но и отступить он был не намерен.

Обе стороны стали потихоньку окапываться, прорывая перпендикулярно основному окопу новые траншеи. Тем временем немецкие танки заехали на переезд и стали рассредотачиваться за железнодорожным полотном.

– Всё, хана, окружили, сволочи! – зло выругался Анисин, передавая сигарку сержанту Васильеву.

– Не бойсь, Жора, чуть что, уйдем на позиции Варданяна, а оттуда и будем прорываться к своим. Не вечно же германец тут будет стоять, им тоже на восток переть надо! Вот отобьем следующую атаку, потом и будем потихоньку отходить!

– Может, прям сейчас, а, Григорий Иванович? – Анисин с надеждой посмотрел на сержанта. Тот покачал головой, затянулся сигаркой, блаженно выпустил дым, а затем посмотрел на Георгия, словно на неразумного новобранца.

– Вот ты, Жора, вроде умный и толковый командир, а линию партии и правительства не понимаешь!

– Это как?

– А вот так, выйдем мы к своим, а там в особом отделе нас и спросят, а чего это вы, субчики-голубчики, позиции свои бросили, ведь вам был дан приказ удерживать переезд. И что ты скажешь? Немец окружил, и мы сразу же драпанули?

Анисин виновато потупил взор под пристальным взглядом сержанта. Тот тяжело вздохнул:

– Вот то-то и оно, Жора. Тут порой свои страшнее врага будут. Так что будем пока дорогу на переезд держать, сколько сил хватит. А уж потом будем уходить! А это уже совсем другой расклад. Не драпанули, а с боем прорвались к своим! Чуешь разницу?

Младший сержант молча затянулся сигаркой, а затем, кивнув на остовы подбитых немецких танков, вдруг с гордостью сказал:

– А красиво мы их уделали? Ох и красиво!

ГЛАВА 4. ПОСЛЕДНИЙ КОЗЫРЬ КОМАНДАРМА КОРОБКОВА

25 июня 1941 года, вторая половина дня

Тем временем немецкие танки разъехали за железнодорожной насыпью, развернули башни в сторону позиции русских и открыли огонь из пушек. Со стороны немецких пехотинцев, которые захватили правый фланг, заработали два пулемета. Они давали короткие предупреждающие очереди, чтобы красноармейцы не вздумали прятаться от артобстрела на позициях немцев, чтобы не сунулись в атаку (по траншеям, разумеется).

Один пулеметчик контролировал тянувшийся в сторону русских окоп, а второй стрелял поверх него. Красноармейцы, однако, и не думали высовываться, все просто присели на самое дно траншей. Снаряды и осколки свистели поверху бруствера и особого вреда бойцам не причиняли, но на нервы действовали – а вдруг будет прямое попадание?

– Выставить наблюдателей! Остальным в укрытие! – крикнул сержант Васильев.

Немцы могли запросто в это время начать атаку. Красноармеец, которого назначили следить за противником, лишь изредка высовывался, осматривался и снова нырял в окоп. Неожиданно обстрел прекратился. Васильев сам осторожно выглянул наружу. Немцы атаку проводить и не думали.

– Наверное, надоело впустую кидать снаряды! – высказал свою мысль Анисин. – Нашей атаки опасаются. Не знают, что нас всего-то тридцать два человека осталось.

– Да и их, наверное, немногим больше.

– Наверное! – сержант Васильев обернулся в сторону высоты, где до начала боя располагалась батарея Варданяна. Там были поваленные деревья, зияли воронки. Пикировщики бомбили с поразительной точностью. Эх, если бы хоть одна пушка уцелела!

Анисин тоже посмотрел туда и высказал свои соображения:

– А может, там какую пушку перевёрнутую, но целую, найдем? А?

Васильев ответил:

– Немцы там уже успели похозяйничать. Если бы что и было, то давно бы против нас развернули! Но мысль сходить туда верная! Нам сейчас патроны нужны, а убитым они уже без надобности!

Младший сержант весь подобрался и с готовностью сказал:

– Давай я сгоняю туда с тремя бойцами, может, что стоящее и найдем? А может, вообще туда отступить, там на высоте будет шикарная позиция!

– Нет, нам дорогу держать надо! Но ты сходи! Патроны нам нужны! Да и потом раненых туда можно будет отнести от греха подальше!

И только Анисин с группой бойцов скрылись в дальнем конце окопа, тянувшегося в сторону левого фланга, как тут же из-за железнодорожной насыпи раздались выстрелы пушек. Отсюда было видно, как один из немецких танков вспыхнул, а второй буквально разнесло в клочья взрывом. От сдетонировавших боеприпасов башню немецкого Т-3 подбросило вверх метров на десять, и она гулко упала далеко в стороне.

– Неужто наши? – обрадовался сержант, и тут уже все бойцы закричали:

– Это наши! – Наши танки! – Подмога пришла! – Ура-а! Наши пришли!!!

Услышав крики «Ура-а!», немцы, сидящие на правом фланге, не на шутку испугались и открыли беспорядочный огонь, на что красноармейцы стали радостно отвечать своими выстрелами. Сержанту даже захотелось поднять людей в атаку, но он сдержался. Уж больно

мало осталось бойцов от сводного батальона! А тем временем за железнодорожной насыпью разгорался нешуточный танковый бой!

Десяток танков Т-26 лихо атаковали стоявшие вдоль насыпи немецкие Т-3. Это подошел мобильный резерв командующего 4-ой армии генерал-майора Коробкова. Как говорится, не зря сержант Васильев звонил! Не зря «прибеднялся». Командир сводного полка позвонил в штаб армии, и там, оценив ситуацию в целом, решили бросить свой последний резерв – уцелевшие после самоубийственных контрнаступлений танки. Всего их у командарма было 25. И пусть это были устаревшие Т-26, но, как видим, немцам и этого хватило!

Главное было грамотно распорядиться этим резервом, что Коробков и делал. Он мастерски просчитывал все ходы гения блицкрига Гудериана, в результате чего немцы постоянно натывались на мобильную группу русских, которая всегда оказывалась в нужном месте, в нужное время!

И наши Т-26, как в кино, в самый последний момент приходили на выручку своей пехоте! И пока немцы, теряя бронетехнику, солдат и время, прогрызали оборону русских, свежий резерв Коробкова успевал подъехать и накрыть прорывающегося противника метким огнем. Причем советские танкисты действовали по всем правилам военной науки!

Вот и тут высланные вперед разведчики-мотоциклисты своевременно обнаружили немецкие танки. Потом наши Т-26 тихо подкрались, дали залп, и после этого пошли в атаку!

Командир немецких панцеров сориентировался вовремя. Не испугался, не запаниковал, а хладнокровно драпанул, да так, что засверкали пятки. Ой, гусеницы!

Итог боя семи Т-3 против десяти Т-26 – два-ноль в нашу пользу. Два подбитых немецких танка ярко горели. Забегая вперед, скажем, что только эти два танка в немецкой графе «боевые потери» и были указаны. А остальные значились под разными обозначениями от «мелкого ремонта» до «капремонта» с отправкой на завод. А вот почему немецкий командир решил спастись бегством, узнать было несложно. Просто немец знал, что против него действуют такие же профессионалы, как и он сам. Сталинские танки – сталинские экипажи еще Кадровой Армии! Единственное, чего не знал немец, так это того, что русские танки командарма Коробкова, по сути, являлись «последними из могикан» в 4-ой армии. Это был последний козырь в этой игре! Где гению блицкрига Гудериану противостоял простой советский генерал, причем его войска были в явном меньшинстве. Это вам не в хоккей играть трое против пятерых. Это была смертельная игра. За что Коробков и поплатился своей жизнью. Он был единственным командармом из всех трех командующих армиями, находившихся в районе Белостокского выступа, который дал достойный отпор немцам, не дав им окружить себя и свои войска. Это его и погубило. Забегая вперед, скажем, что командующих двух других армий (3-ей и 10-ой) Сталин не мог «достать», они со своими солдатами были в окружении. А Коробков – вот он, вышел же! Поэтому его было удобно схватить и расстрелять. Тут уже сам Коробков оказался не в то время не в том месте...

Потом, после смерти Сталина, генерал-майор Коробков Александр Андреевич был реабилитирован. Ну и оцените сами, как, имея 25 танков Т-26, суметь задержать гения блицкрига, имевшего на тот момент более 900 танков! И ведь ничего не смог сделать Гудериан 24-го и 25-го июня 1941 года. Русские стояли твердо и умело маневрировали своим мобильным резервом. Пока у них не кончились танки!

А если бы их было не 25, а все 512, которые были в наличии на 03 часа 59 минут 22 июня 1941 года? И если бы все их поставить в мобильный резерв?

Это уже был бы совершенно другой расклад, 512 наших танков против 980 немецких. Это вам не 25 против более 900.

ГЛАВА 5. С ТОГО СВЕТА

25 июня 1941 года, вторая половина дня

– Младшой, слышь, что это? – спросил красноармеец с рябым лицом, подняв указательный палец вверх и повернувшись правым ухом в сторону позиций.

Младший сержант Анисин тоже прислушался, но, ничего не поняв, сказал:

– Ты чего, Лопатин? Это же наши танки немцев дальше погнали! Да вот они уже возвращаются! И нам пора. Сколько патронов собрали?

– Двадцать один подсумок, это те, которые с убитых сняли. А жрачку из ранцев можно же забирать? – это ответил второй боец, Мишка Седов.

– Нужно! С харчами у нас скоро туго станет! – разрешил командир.

– А портянки? Для нас, пяхоты, это первое дело! – это уже спросил самый высокий солдат, Гринько.

– Портянки тоже разрешаю! Больше ничего не брать. Ах да, фляжки возьмите, вода тоже будет нужна. Винтовки соберите!

– Младшой, ребята, ну послушайте же, вот здесь! – теперь Лопатин повернулся своим правым ухом в сторону полуразрушенного и частичного засыпанного взрывом блиндажа. – Слышите? Стонет вроде кто-то!

Младший сержант, прислушавшись, вдруг выхватил из чехла свою саперную лопатку и кинулся к дверям блиндажа, бросив на ходу:

– Там кто-то есть! Быстро откапываем!

Остальные красноармейцы бросились ему помогать. Дверь представляла собой простой сколоченный из досок щит на ременных петлях, который прижало к косяку сруба блиндажа обрушившимся сверху бревном, да вдобавок её сильно присыпало землей. Анисин громко крикнул:

– Счас, браток, потерпи, счас мы тебя откопаем!

Через две минуты бойцы совместными усилиями оттащили обломок бревна, и, открыв дверь, откинули полог брезента. Внутри было относительно светло. Со стороны небольшой бойницы проникали солнечные лучи, рассеивая мелкую пыль. В углу на земляном полу сидел человек, держался за голову и стонал. Увидев вошедших, сразу же потерял сознание и обмяк. Подойдя к нему поближе, Анисин удивленно произнес:

– Да это же старший лейтенант Варданын, командир батареи!

Лопатин нагнулся над раненым, бегло осмотрел его и уверенно сказал:

– Контузия, тяжелая. Вон из носа, рта и ушей кровь видна. Потеря сознания. Видимых повреждений и ранений нет! На свежий воздух его надо, чтобы не задохнулся, а то тут пылищи! Если бы не мы, то так и помер бы здесь. Можно сказать, с того света вернулся товарищ старший лейтенант!

Анисин быстро сориентировался:

– Я и Лопатин выносим его на свежий воздух! Седов и Гринько, готовите блиндаж для приёмки раненых. Да подметите здесь.

– Чем? – недовольно буркнул Мишка.

– Седов, ты что, первый год в армии? Веток наломай, травы нарви! – слегка повысил голос младший сержант.

– Первый год! – ответил тот недовольно, но послушно вылез из блиндажа и стал собирать разбросанные вокруг ветки поваленных деревьев.

К нему присоединился Гринько:

– Мишаня, счас быстро уберемся, а потом сало поедим. Я такой шмат нашёл!

– Ну ты, Богдашка, даешь! Хохол нигде не пропадет! Счас мы быстро тут порядок наведем!

Тем временем Анисин и Лопатин бережно уложили контуженного Варданяна на чудом уцелевший участок зеленой травы. Лопатин наставительным тоном заметил:

– На бок его надо положить, чтобы дыхательные пути не забивались кровью.

– Паша, откуда ты это знаешь?

– Так у нас в части занятия про это были.

– Понятно, учеба, значит! Это дело хорошее. Нам теперь по медицинской части ох как нужно будет учиться! Докторов и врачей здесь у нас нет! Ты вот что, Лопатин, дуй к сержанту Васильеву, доложи, что нашли Варданяна и блиндаж для раненых. Да и патроны не забудь унести!

– Есть, товарищ младший сержант!

Анисин, посмотрев вслед удаляющемуся бойцу, тихо произнес:

– Ну и куда мы раненых потом отсюда девать будем?

Варданян закашлялся, харкнул кровью и открыл глаза. Анисин обрадовался:

– Ну здорово, старшой! Как там на том свете? Бога не видел? А то передал бы ему, что тяжело нам здесь, пусть бы подсобил!

А в это время Старновскому как раз снилось, что он летит куда-то ввысь и понимает, что сейчас увидит Бога. Почему-то было легко и празднично. Но вдруг снизу откуда-то раздался чей-то знакомый голос:

– Бога видел? А то передал бы ему, что тяжело нам здесь, пусть подсобит!

Лейтенант открыл глаза оттого, что полуторка затормозила. Послышался голос Солнцева:

– Это что же такое творится-то? Если кто верит в Бога, самое время попросить его, чтобы подсобил нам!

Старновский, услышав последнюю фразу, сразу успокоился, наверное, это голос Солнцева во сне ему почудился. Но что-то тревожное заставило лейтенанта приподняться, и он увидел, как над видневшимся вдали городом появилась туча самолетов, и оттуда стали раздаваться взрывы грандиозной бомбардировки. Минск опять бомбили!

Из кабины на подножку вылез Подкорытов, и, опираясь на открытую дверцу, спросил:

– Ну что, товарищ ефрейтор, куда нам теперь ехать?

– Счас разберусь! – Солнцев спрыгнул с кузова и побежал к стоявшей впереди машине санитаров, забитой под завязку разобранными железными кроватями.

Там находился старшина и незнакомые красноармейцы, вооруженные винтовками со штыками. Неподалеку стоял сержант НКВД и два солдата с автоматом наизготовку. Поперек дороги был опущен самодельный шлагбаум из горбатой здоровенной жердины. Солнцев сразу сообразил, что это контрольно-пропускной пункт. До него донеслось:

– Не видишь, Минск бомбят, куда прешь? Счас документы проверим, и потом товарищ сержант госбезопасности решит, что с вами делать! – это говорил сержант, вооруженный СВТ.

– Так мы же в Минский госпиталь кровати везем, – тут старшина обернулся к стоящим сзади еще трем грузовикам, и, указав на них рукой, добавил: – И раненых!

– Сидоров, Павловский, Фокин, проверьте! – скомандовал сержант Сеницын.

Трое красноармейцев, косясь в сторону самолетов, бомбивших Минск, шустро подбежали к грузовикам и принялись проверять документы у водителей и рассматривать находящихся в кузове раненых. Сержант НКВД со своими бойцами стоял поодаль, держа автомат наготове. Немного дальше и чуть в сторонке в вырытом окопчике засели еще трое солдат с ручным пулемётом. Они внимательно следили за дорогой. Самый молоденький красноармеец вдруг воскликнул:

– Товарищ лейтенант! Рад вас видеть живым! – и тут же крикнул своему начальству: – Это лейтенант Старновский, мы с ним вместе выходили к нашим!

Александр, напрягая разболевшуюся голову, вдруг признал бойца:

– Красноармеец Сидоров? Петр! Часовой с полигона! Что, капитана Бунина ловите? Так мы его уже давно схватили!

Сержант НКВД заинтересованно повернул голову, но приближаться не стал, лишь кивнул сержанту: – Сеницын, разберись!

Тот, закинув винтовку СВТ на плечо, подошел к полуторке, залез в кузов, откуда громко произнес:

– Это лейтенант Старновский. Мы с ним возле моста у деревни Михасино вместе воевали, а потом к своим выходили!

Александр чуть скривился, но не от головной боли, а оттого, что люди, пришедшие с диверсантом Буниным, в том бою не участвовали, а сидели в тылу, но уточнять не стал, а лишь тихо произнес:

– Сержант Сеницын, с полигона, узнаю! С вами еще двое были!

Сеницын обрадовался, что геройский лейтенант жив, и вроде как не возражает, что они тоже были участниками того боя, и скороговоркой пояснил:

– Фока и Злой тоже живы, вон те грузовики проверяют. Теперь они красноармейцы. Вот ловим подозрительных личностей. Нас пока на усиление к сотрудникам НКВД определили.

Сеницын внимательно оглядел остальных раненых и спросил:

– Тут все ваши?

– Да! – кивнул в ответ лейтенант. – Мы из-под Тальминовичей. Там оборону по железнодорожной насыпи держали! Командир сводного батальона отправил машины с ранеными в Слуцк, а там госпиталь уже съехал в неизвестном направлении, вот мы теперь со старшиной вместе едем в Минский госпиталь.

– Понятно! – начальственно-покровительственным голосом ответил Сеницын. – Счас я доложу про вас и попрошу, чтобы вам пропуск выписали, вы только удостоверение личности дайте!

Старновский неловко вытащил из нагрудного кармана документ и протянул его сержанту. Тот по-свойски подмигнул:

– Счас, я вам быстро пропуск сделаю! – и ловко спрыгнул на землю.

Старновский вздохнул. И от таких вот сержантов бывает польза, пусть их начальник думает, что те воевали, от нас, как говорится, не убудет, а вот пропуск действительно пригодится!

Сеницын подошел к НКВДэшнику, протянул удостоверение лейтенанта Старновского и еще раз, как бы между прочим, сказал:

– Мы воевали вместе, нужно бы им пропуск оформить, а то какой-нибудь самодур отберет у них грузовики, мало ли что, а раненым нужно срочно в госпиталь.

НКВДэшник внимательно посмотрел удостоверение, стукнул им о ребро своей полусогнутой ладони левой руки и коротко сказал:

– Выпиши им на всякий случай до Полоцка! – развернулся и пошел к окопу.

Два бойца с автоматами остались контролировать ситуацию. Сеницын поправил винтовку СВТ и шустро побежал вслед за сержантом НКВД. Там, в окопчике, он красивым бисерным почерком вписал все данные в пропуск и дал сержанту госбезопасности. Тот подписал, поставил печать и тут же дал указание:

– Скажи им, чтобы ехали восточнее Минска, там недалеко полевой госпиталь есть. Найдут. Его с дороги видно.

Сеницын, взяв пропуск, тихо спросил:

– А зачем тогда до Полоцка? Неужто здесь всё так плохо?

Сержант госбезопасности ответил неопределенно:

– Мало ли что может случиться, а раненых жалко. Как бы машины не отобрали по дороге. Да и в пропуске их номера странно выглядят. Один наш, два немецких. Одним словом, неучтенка, лакомая добыча! Особенно, если возникнет паника!

НКВДэшник замолчал, держа пропуск в руках. Со стороны города продолжали грохотать взрывы. Синицын терпеливо ждал. Затем сержант госбезопасности вздохнул и отдал документы своему сержанту. Тот быстро пошел к машинам. Оба понимали, что положение наших войск в районе Минска складывалось очень и очень тяжелое.

ГЛАВА 6. МИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН

25 июня 1941 года. Курт, уходим!

Как только колонна грузовиков с ранеными скрылась из виду, сержант НКВД подошел к Сеницину:

– Слушай, сержант, тут такое дело, – он сделал паузу испытующе посмотрел на Федора, а затем продолжил. – Перед тем, как появились грузовики, мне по телефону приказ пришел!

Тут НКВДшник замолчал. И это молчание ох как не понравилось Сеницину. Когда-то он ждал подобного разговора с сотрудниками особого отдела за свои темные делишки, которые он проворачивал со старшим лейтенантом Варданяном, но там была такая мелочевка. Ну, тырили со складов картошку и прочие продуктишки, армянин помогал сбывать это местным барыгам. Но ведь подворовывали-то по мелочи, незаметно. По чуть-чуть.

НКВДшник сразу же уловил, как напрягся его подчиненный, но подумал совершенно про другое:

– Да ты не переживай, это не насчет вашего диверсанта и ваших отношений с ним! Тут другое дело! Хреновое! Так вот, мне позвонили и сказали, чтобы всех прикомандированных отправили на укрепрайон. Так что бери своих хлопцев и иди вон туда! – НКВДшник махнул рукой в сторону деревеньки, видневшейся неподалеку. – Там еще один контрольно – пропускной пункт, только не войсковой, не наш. Там со всей округи бойцов собирают, чтобы потом отправить в Минский укрепрайон.

– Товарищ сержант госбезопасности, там ведь расположение воинской части, прифронтовой, не нашей. – Сеницину очень не хотелось никуда уходить с такой не пыльной работенки.

– Да не бойся, вот тебе приказ письменный, покажешь первому же командиру. Объяснишь, что вам приказано явиться к ним в качестве подкрепления. Так же скажешь, что были на контрольно-пропускном пункте с сотрудниками НКВД. Что сами теперь проходите службу в воинской части при окружных складах. Что эти двое, – сержант кивнул на Злого и Фоку, – призваны недавно, но их НКВД проверил. В общем приказ-то издан по нашему ведомству, там поймут.

– Ясно, товарищ сержант госбезопасности.

– В общем, Сеницин, ты сержант, ты старший над своими бойцами, вся ответственность на тебе, если кто сбежит. Там, в деревеньке, у военных есть связь, так что по телефону доложишь ихнему вышестоящему начальству о прибытии, а они уведомят нас. Понял?

– Понял! Разрешите выполнять?

– Выполняй!

Через час Злой, Фока, Петр Федоров и сам Федор достигли деревеньки. Там располагалась оборона стрелкового взвода и был контрольно-пропускной пункт, основной задачей которого была фильтрация отступающих красноармейцев и создания из них пополнения для Минского укрепрайона.

Узнав о приходе бойцов от НКВДшников, командир взвода очень обрадовался. Он прямо подскочил к Сеницину и радостно затараторил:

– Лейтенант Орехов. Вы с контрольно-пропускного пункта НКВД?

– Так точно! Вот приказ!

Лейтенант быстро пробежал документ взглядом, отдал его Фелору.

– Вот что сержант, сейчас подойдут грузовики, вам и вашим бойцам поручается сопроводить задержанных красноармейцев в укрепрайон. Оружие я у них пока изъял, хотя многие

были и без него. Драпали, сволочи! Ваша задача – доставить их в расположение артпультабата 63 УРа, – он неопределенно махнул рукой в сторону запада и продолжил: – Водители знают, куда везти! Вы назначаетесь старшим этого отряда! При любой попытке бегства вам разрешается стрелять на поражение! Ясна задача, сержант?

– Понятно, товарищ лейтенант! А сколько их?

– Немного, сорок три! Самых подозрительных мы уже сдали в особый отдел, а эти вроде ничего, воевать еще смогут. Но оружие им раздадите, только когда прибудете на место.

– Где оружие?

– Вон в тех ящиках.

– Автоматы есть?

– Нет.

– Мне бы хотя бы пару штук. У меня ведь всего три бойца на такую прорву.

Лейтенант посмотрел на сержанта поджав губы. Он, конечно же, из изъятого оружия оставил у себя с десятков автоматов, ему же здесь, если что случится, оборону держать. Все же через деревню проходила хорошая проселочная дорога. Подумав немного он отдал сержанту свой автомат.

– На, держи!

– Спасибо.

Синицин забросил свою СВТ за спину. Еще пригодится. Винтовочных-то патронов легче было достать, чем пистолетных ТТ-шных.

Через полчаса подошли пять полторок. В первые четыре грузовика посадил солдат, в пятый положили ящики с оружием. Еще через полчаса они уже подъезжали к видневшимся неподалеку небольшим возвышенностям, поросших лесом, как кто-то крикнул:

– Воздух!

Синицин, который ехал в кузове переднего грузовика, увидел в небе приближающиеся силуэты двух самолетов. Он стукнул по кабине водителя и громко крикнул:

– Стой! Всем рассредоточиться!

Солдаты посыпались из кузова и начали прятаться в придорожной траве. Кто-то рванул в сторону пшеничного поля. Тут до сержанта дошло, что ведь там можно запросто спрятаться, а ловить беглецов тремя бойцами из конвоя – это нереально. Самолеты стремительно приближались. Тем не менее, Синицин не стал падать на землю, а резко выхватил из-за спины СВТ и грозно крикнул:

– Лежать, сволочи! Всем лежать! Кто сделает шаг в сторону, буду расценивать как побег!

Несколько красноармейцев, оглянувшись на изготовившегося стрелять сержанта, упали на траву. Самолеты, тем временем, стремительно приближались, снизившись до бреющего полета. Двое дезертиров продолжили свой стремительный бег. Еще немного и они уже нырнут в спасительное поле густой пшеницы.

От злости Синицин, особенно не задумываясь и повинувшись только одной мысли «не упустить гадов», вскинул полуавтоматическую винтовку и двумя выстрелами мгновенно сразил двух беглецов. Тут же раздались очереди пролетевших немецких истребителей. Сержант в яростном порыве стал стрелять им вслед, пока не кончились патроны в магазине. Затем привычным движением перезарядил винтовку, вставив новую обойму, и со звериным выражением лица громко крикнул:

– Кто еще хочет бежать, ну?

Все продолжали лежать, глядя как пара истребителей плавно разворачивается на новый заход для атаки.

Не помня себя, Синицин, словно сумасшедший, стал про себя повторять:

– Сволочи, ох и сволочи!

Взял на прицел истребитель, который шел первым, и выстрелил. Потом тщательно прицелился и снова выстрелил.

Залегшие бойцы со страхом смотрели на неравный бой сержанта с самолетами. Тут Сидоров тоже приподнялся, и из положения «стрельба с колена» открыл огонь по самолетам, при этом успев крикнуть:

– Злой, Фока, ну, стреляйте же!

Повинуясь какому-то неведомому доселе духу коллективизма, те тоже приподнялись на одно колено и открыли огонь. Фока неумело, а Злой – спокойно и тщательно целясь.

Самолеты приближались, хищно нацелившись на прижавшуюся к земле пехоту и беспомощно стоящие грузовики русских. Раздался треск пулеметных очередей. Одна из полуторок загорелась.

Идущий первым немецкий летчик видел, что пехота русских начинает подниматься и вести огонь, поэтому сразу же после атаки, на следующем развороте, сухо скомандовал своему ведомому:

– Курт, уходим, у тебя и так уже пробоины есть, не хватало, чтобы эти идиоты тебя подстрелили!

ГЛАВА 7. МИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН

25 июня 1941 г. Особенности штурмовки наземных целей истребителями

– Вернер, может еще один заход, теперь по пехоте, чтобы в следующий раз не вздумали стрелять? – спросил Курт.

– Нет! – жестко отрезал ведущий, – один грузовик уже хорошо.

– Это ты его подбил, а я нет!

– У тебя дырки в фюзеляже, и на крыльях от русской «Раты» («Крыса» – так немцы называли И-16), вибрация добавит рассеивание пулям, что непонятного. Конец связи!

Вернер нахмурился, вспоминая о только что проведенном воздушном бое. Одиночный И-16 храбро бросился на мессершмитты (BF-109 F), защищая свои бомбардировщики. Пришлось отбиваться от настырного летчика. Курту досталось, но Вернер сумел подбить «Рату», и тот совершил вынужденную посадку. О своей победе он, конечно, заявит, но вот настроения почему-то не было. Бомбардировщики русских, которых они, согласно приказу, которых они должны были догнать после их успешной бомбежки и уничтожить (отомстить), благополучно ушли на свой аэродром.

Летчик сбитого И-16, судя по всему, был жив, самолет русские починят. В общем, неудачный этот вылет оказался. Хотя Вернер, конечно, сообщит, что самолет русских сбит, это должно сгладить провал выполнения боевого задания. Победу засчитают, так как ведомый ее подтвердит. Но настроения не было.

А тут еще эта русская колонна грузовиков «кусачей» оказалась. Штурмовка наземной цели сама по себе вещь довольно сложная. Как только они с Куртом обнаружили эту цель, сразу начали пикирование с высоты 600 метров и открыли огонь с расстояния 400 метров. Пехотинцы противника бросились в стороны, но их задача была уничтожить грузовики, так что плевать им было на разбежавшихся русских. В человека попасть с самолета довольно проблематично, если только это не групповая цель. Представьте, что когда вы заходите на боевой курс, то все, что находится на земле приближается к вам со скоростью 520 км/час, это примерно 8.66 км в минуту. За одну секунду наземная цель приближается к пилоту на 144 метра.

400 метров делим на 144, получаем 2.77 секунды, вот сколько времени у пилота на прицеливание и стрельбу. А цель – то несется с огромной скоростью и прямо на вас. А вам еще самолетом управлять надо, чтобы в землю не врезаться.

А ведь еще не нужно забывать, что, при открытии стрельбы с дальних дистанций, неизбежно будет происходить рассеивание пуль, выпущенных из ствола пулемета во время очереди, даже короткой. Кроме того, летящий самолет сам по себе вибрирует во время полета от работы мотора и винта, а любые пробоины только усиливают эту тряску.

Для сведения – на мессере серии F (Фридрих) стояли два пулемета MG-19 (калибра 7.92 мм) с боезапасом по 500 патронов на каждый ствол и один MG-151 (калибра 15 мм) с боезапасом в 60 патронов.

После воздушного боя еще оставался боезапас, и хотелось его расстрелять полностью, так что еще несколько заходов по русским пехотинцам, лежащим неподалеку от машин. Можно было сделать, но вот желания уже не было.

С самого начала войны немецкие самолеты, по которым велась стрельба из винтовок сумасшедшими русскими, привозили винтовочные пробоины. Вернер сам их лично видел и слышал, как техники жаловались на дополнительную работу. Конечно, эти повреждения были незначительными и несущественными, но Вернер знал, что такое везение не может про-

должаться вечно, и кого-нибудь когда-нибудь собьют. Да над вражеской территорией! Лично ему не хотелось попадать в застенки НКВД.

Другое дело схватка с противником в воздушном бою! Тут все зависит только от тебя, от твоего умения пилотировать и стрелять. Все эти мысли беспорядочным роем пронеслись в голове у ведущего, но потом они успокоились, стали ровными как гул верного мотора. Вернер в который раз огляделся. Ведомый шел на своем месте. Все было хорошо. Пока.

А пока он сообщит о подожженном грузовике и колонне автомашин, движущейся в направлении Минского укрепрайона. Русские явно готовились к обороне на этом рубеже. Все-таки Вернер не удержался от злорадной улыбки, когда вспомнил, как красноармейцы горюхом высыпались из машин, прячась от страха в траве. Но тут же улыбка сошла на нет. Кое кто из этих русских не испугался и открыл ответный огонь. Безумцы!

Здесь мы сделаем небольшое отступление и сообщим читателю об одном примечательном эпизоде начала войны, который доказывает, что ружейным огнем можно было вполне реально сбить самолет противника, да не какой-нибудь, а именно мессершмитт-109. Такой факт изложен в донесении начальника политуправления Юго-Западного фронта руководителю Главного политуправления Красной армии от 20 августа 1941 года.

В нем говорится:

«На днях, во время кровопролитных боев на подступах к Киеву летал на бреющем полете немецкий истребитель Ме-109. Находящиеся в этом районе пять бойцов 22 комендатуры 21-го района авиационного базирования под командой младшего лейтенанта Броварова открыли залпом винтовочный огонь, которым и подбили его. Фашистский стервятник был вынужден был совершить посадку в районе киевского аэродрома. Летчик задержан».

А тем временем наши красноармейцы, проводив взглядом удаляющиеся истребители противника, стали потихоньку подниматься с земли. Почти все с опаской смотрели на сержанта и нет-нет да и скашивали глаза на убитых дезертиров.

– Метко стреляет, сволочь! – прошипел один из отряхивающихся бойцов, бросив злобный взгляд на командира. Товарищ поднявшегося тоже отряхнулся и поддакнул:

– Да уж!

Первый тихо произнес:

– Ну ничего, в следующий раз все по умному сделаем. Нам бы только ночи дожждаться!

Сам Синицин стоял как оглоушенный. Злой подошел к нему и хотел сказать что-то ободряющее, но понял, что сейчас это делать бесполезно, поэтому лишь коротко бросил:

– Фока, Петр, возьмите бойцов, и пусть они затащат тела в кузов последней машины, где ящики с оружием. Здесь их хоронить некогда. А на место приедем – там и закопаем!

Сидоров по военной привычке коротко сказал:

– Есть! – и, кивнув Фокину, скомандовал, – Пошли!

Выбрав самых сильных красноармейцев, они заставили их перетащить убитых в кузов полуторки.

Сержант мрачно наблюдал за этой картиной. Затем с тоской в голосе сказал:

– Не думал я, Валентин Евграфович, что война вот такая вот будет.

Злой вздохнул и ответил:

– Ты все правильно сделал, командир. А если бы они сбежали? С тебя бы и спросили в первую очередь! Да и вообще, не бери в голову, завтра ты об этом уже забудешь! Война только начинается, а немец вон как прет!

Сержант кивнул головой и скомандовал:

– По машинам!

Вскоре они, наконец, добрались до первого поста, расположенному на проезжей дороге. Тут же чуть в стороне находился небольшой железобетонный ДОТ, который имел по одной

амбразуре на каждую сторону. Худющий красноармеец выставив винтовку со штыком, строго спросил:

– Кто такие, куда едете?

Синицин устало подал документы

– Пополнение! – коротко пояснил он.

– А почему без оружия? – удивленно спросил часовой.

– Драпанули, вот возвращаем! А оружие в ящиках.

– Проедете вон за тот поворот, там в паре километров основная цепочка ДОТов. А мы просто тыловое охранение.

– Понятно! Спасибо!

Когда грузовики проехали, красноармейца окликнули из ДОТа:

– А че они без оружия-то?

Теперь уже часовой ответил:

– Дезертиров возвращают на фронт. К нам!

– А где нормальное пополнение? Они что там, с ума сошли? ДОТ без пехоты любой дурак с гранатой взорвет!

Часовой иронично сказал:

– Не бойсь, я с флангов вас прикрывать буду.

Вскоре грузовики подъехали к небольшим возвышенностям, с восточной стороны которых имелись врытые в них землянки. Тут же рядом находилась полковая кухня. Из ее трубы вился дымок, а все вокруг вкусно пахло пшенной кашей.

Сержант вышел из кабины, загнал складки гимнастерки назад, придал своему виду уверенность и строго спросил повара:

– Где начальство? Кому доложить о прибытии пополнения.

Солдат в белом колпаке и переднике вытащил половник из котла и съехидничал:

– Это вы что ли пополнение?

– Ну мы!

– Сержант, тут не пополнение нужно, а полевое заполнение.

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ НЕУДАЧА ГУДЕРИАНА

ВЕЧЕР 25 июня 1941г. Первые зерна нашей будущей победы!

Гудериан нервничал. С обеда 24 июня 1941 года и до вечера 25 июня 1941 года он безуспешно топтался на месте, а русские продолжали непоколебимо стоять. Не помогали ни обходные маневры, ни удары по флангам. Куда ни кинься, везде сплошная оборона русской пехоты, усиленная пушками, к которой на выручку своевременно подходит мобильный танковый резерв.

Это бала явная неудача немецких войск и первая пробуксовка плана «Барбароса». Радости от истребления русских танков в предыдущие дни как-то поубавилось. Решительного преимущества это явно не давало.

Единственным выходом из создавшегося положения было уничтожение пехоты противника, чтобы она больше не могла удержаться до прихода «пожарной команды», которая смогла бы «потушить» прорыв немецких танков. А самое главное – нужно было лишить русские стрелковые дивизии их пушек!

Даже простенькие русские «сорокапятки» в умелых руках представляли собой проблему. С дистанции ближе 500 метров они уверенно пробивали лобовую часть башен (30 мм) танков Pz. Kpfw. III., если попадали в ее нижнюю часть или под основание. В этом случае сразу же выводился из строя командир танка, наводчик и заряжающий. Особенно неприятно было то, что русские танки Т-26, вооруженные такими же пушками, старались атаковать не в лоб, а зайти во фланг и поразить бортовую броню немецких танков с убойно близких дистанций. Причем делали это успешно, пока те были связаны боем с русской пехотой.

Вдобавок ко всему у русских оказались в изобилии связки гранат и снарядов, что было обусловлено тем, что рядом были склады 40-ой армии, которые поспешно опустошались. Здесь же, в тылу у обороняющихся, находились и многочисленные подразделения артиллерии, выведенные на полигоны накануне начала войны. Особенно сильно ими укрепили позиции на рубеже железно-дорожной насыпи Русиновичи – Тальминовичи.

Так что вывод напрашивался простой и вполне очевидный. Используя преимущество в авиации, попытаться если не уничтожить живую силу противника и его пушки, то значительно их проредить. После чего быстро прорвать оборону русских до подхода их мобильных резервов.

Именно поэтому вечером были нанесены особенно сильные авиаудары по позициям 55-той стрелковой дивизии, сводным отрядам остатков 14-го мехкорпуса и 28-го стрелкового корпуса. А потом в атаку пошли немецкие танки.

А в это время по проселочной дороге шли отправленные в тыл остатки сводного отряда майора Романова в количестве 29 человек, одной кухни и двух повозок под командованием сержанта Васильева. Позади небольшой колонны в качестве арьергарда ехал трофейный мотоцикл с двумя бойцами и одним пулеметом. Немецкий мотоцикл BMW R-71 то отступал, то нагонял колонну, а затем снова выбирал позицию и прикрывал отход основного отряда.

Двух-котельная полевая кухня «2 КО-У» имела подрессорный ход и довольно плавно катила по проселочной дороге, из трубы вился дым, варилась пшенная каша с мясными консервами. На передке сидел повар Федор Лангет и периодически помешивал варево поварешкой. Лошадь Маруську вел под уздцы красноармеец в полинялой пилотке, Осадчий. Санитар Лаптев шел вслед за упряжкой, изредко переговариваясь с поваром.

– Надо было пару банок-то тушенки оставить, – говорил он. – Зачем все в котел-то спустил!

– Так наваристее будет! Вот завтра дойдем до Слуцка, там нас на довольствие и поставят. А сегодня бойцов надо хорошо покормить, шутка ли без обеда целый день воевать.

– А сами-то что жрать будем, если что случится?

– А ничего не случится! Утром, как солнце встанет, вечернюю кашу доедим и дальше потопаем! Нам ведь еще идти и идти! А ты знаешь солдатскую поговорку?

– Которую? Их много.

– Как полопаешь, так и потопаешь! Вот наши солдатики с утра подзаправятся кашей и до самого Слуцка как потопают! Не догонишь!

Тут в разговор вмешался Осадчий, ведший под уздцы лошадь:

– Это самое главное, чтобы нас немцы не нагнали! Чу, слышите! Опять бомбят, что ли?

– Ну и слух у тебя. Егор Иванович! – уважительно проговорил Лаптев и тоже повернул голову назад.

Все прислушались. Остальные красноармейцы устало брели, поднимая пыль, которая в лучах вечернего солнца отсвечивала багряным зловещим цветом.

Кто-то из шедших впереди тоже оглянулся и сказал:

– Бомбят! Тех, которые вместо нас остались! Повезло сегодня нам!

Действительно, два с половиной часа назад остатки сводного отряда сменили подъехавшие на грузовике солдаты с молоденьким лейтенантом. А потом, на тех же грузовиках отвезли всех раненых, а сержанту Васильеву передали приказ выдвигаться в Слуцкий укрепрайон. Там командование 4-й армии намеревалось закрепиться, опираясь на железо-бетонные доты, и дать отпор врагу. Но нужно было успеть нарыть окопов между ДОТами, оборудовать огневые позиции для пулеметов и артиллерии. А если будет время, то и соорудить ДЗОТы (дерево-земляные огневые точки).

Более того, подбросив свежие резервы на линию обороны, вдоль железнодорожной насыпи в направлении Русиновичи-Тальминовичи, командование серьезно рассчитывало удержать противника на этом рубеже.

Сама железнодорожная насыпь, идущая перпендикулярно оси наступления а врага, была как противотанковый вал, преграждающий путь полчищам Гудериана, то есть очень удобным рубежом обороны. Вот этот рубеж и нужно было удержать во что бы то ни стало. Поэтому командование постоянно направляло туда резервы, сменяя усталые и потрепанные сводные отряды из остатков 14-го мехкорпуса и 28-го стрелкового корпуса.

Но Гудериан решил разбить русских еще до конца дня. И именно сейчас пикирующие бомбардировщики Ю-87сравнивали с землей солдатиков в новеньких гимнастерках и молоденького лейтенантика, который только на днях прибыл из военного училища.

Вот такая она, война. Кому-то дает шанс выжить, а кого-то беспощадно кидает в самое пекло в самый неподходящий момент. А может это Провидение или сам Бог пощадил бредущих по пыльной проселочной дороге бойцов, которые уже много сделали для Победы и которым многое еще предстоит сделать. Именно они должны будут потом стать теми зернышками Будущей Победы, вокруг которых будут кристаллизироваться новобранцы, запасники и ополченцы, чтобы стать той Армией, которая сломает хребет немецкому фашизму.

Немногим из бредущих сейчас по этой пыльной дороге суждено будет дожить до Дня Победы, но те, которым они передадут, свой боевой опыт, свою заряженность на Победу, понесут ее дальше, передавая в свою очередь эту энергию победителей следующим новобранцам и запасникам, а те – следующим поколениям бойцов, и так до самой Победы! Но все это началось здесь и сейчас, в первые дни войны. Первые, потому и самые страшные! Страшные, потому солдаты и командиры понимали, что выжить тем кто стоит в первом ряду этой кровавой бойни, будет практически невозможно!

ГЛАВА 9. ЛИНИЯ СТАЛИНА

Утро 26 июня 1941 г. Эх, если бы товарищ Сталин

Согласно Директиве Ставки Советского Командования от 25. 06. 1941 года было принято создать в тылу Западного фронта оборонительный рубеж, который следовало занять войсками, прибывающими из тыла страны. Это был весьма логичный шаг, хоть и изрядно запоздалый. Но, как говорится, «лучше поздно – чем никогда»!

К этому времени в полосе 4-ой армии противник только наращивал свое преимущество. Это наращивание произошло в результате неподготовленных контрударов Сталина, которые лишили наши войска главного козыря – танков. Теперь мобильных резервов, способных парировать немецкие танковые прорывы, уже не было. А те войска, которые остались в распоряжении командарма-4 Коробкова, были основательно потрепаны в предыдущих боях.

Поэтому решение о подготовке оборонительных рубежей в глубине своей территории было логичным и единственно верным. Правда тут же встает вопрос, а почему товарищ Сталин, которого сталинисты свято считают военным гением, заранее не озаботился этакой «крепостной стеной», за которой можно было бы успешно спрятаться разбитому отряду воинов? Спрятаться, отсидеться, привести войска в порядок, восстановить связь со всеми своими частями и подразделениями, провести разведку, заняться снабжением и логистикой. Подготовить резервы для успешного контрнаступления (оборона Москвы – всем пример).

Но нет, товарищ Сталин благополучно «просохатил» этот вопрос еще до начала войны. И вот теперь, в обстановке хаоса и неразберихи, приходилось его решать «по ходу пьесы», так сказать «экспромтом». Хотя, к слову сказать, этот экспромт все же оказался подготовленным. Как-никак укрепрайоны линии Сталина были в наличии. Они хоть и оказались законсервированы с сентября 1939 года, но, тем не менее ДОТы в природе существовали и, опираясь на них, можно было создавать оборонительный рубеж. Что сейчас и делало советское командование.

Мы можем только представить, как при принятии такого решения прятал глаза товарищ Сталин от подчиненных ему военных профессионалов, для которых любой укрепрайон был как палочка-выручалочка в трудную минуту, а для этого его нужно было держать в постоянной боеготовности! А о том, что контрнаступление и наступление нужно было тщательно готовить, знал вообще любой летеха «Ванька-взводный»...

Это же военная Аз – бу – ка! И, понятное дело, Сталину, как человеку было крайне неприятно присутствие тех людей, в глазах которых он выглядел полным олухом по данному вопросу.

Причем, забегаая вперед, отметим, что товарищ Сталин наступил на эти грабли дважды. Именно 26 июня 1941 года началось самое грандиозное сражение 1941 года, окончившееся разгромом приграничных мехкорпусов Юго – Западного фронта. Это поражение не могло быть исправлено даже подтягиванием уцелевших мехкорпусов из глубины страны, которым приходилось вступать в боевые действия разрозненно с целью поспешного «латания дыр», образующихся на фронте (ведь у немцев теперь был решительный перевес в танках).

Все высшее командование понимало – Сталин с началом войны сразу же ошибся с контрнаступлениями, и тут же ошибается еще раз, отправляя в такие же наступления пограничные мехкорпуса юго-западного фронта. Причем ошибается ровно по тому же сценарию.

Это, кстати, во многом объясняет то, что и Жуков и Тимошенко позже были удалены «с глаз долой».

Но это все лирика художественного произведения, теперь же перейдем к суровым реалиям, разворачивающимся на пятый день войны в полосе западного фронта. Здесь наши войска переходят к обороне, опираясь на укрепления "Линии Сталина».

Причем на начало войны (это мы напоминаем про упущенные возможности) – таких УРов было девять:

- 58-й Себежский УР (Линия Сталина);
- 61-й Полоцкий УР (Линия Сталина);
- 62-й Брестский УР (Линия Молотова);
- 63-й Минский УР (Линия Сталина);
- 64-й Замбрувский УР (Линия Молотова, Белостокский выступ);
- 65-й Мозырский УР (Линия Сталина, район Мозыря и Припятских болот);
- 66-й Осоветский УР (Линия Молотова, Белостокский выступ);
- 67-й Слуцкий УР (Линия Сталина);
- 68-й Гродненский УР (Линия Молотова, Белостокский выступ).

Как видим, 4 укрепления располагались на «Линии Молотова» и 5 на «Линии Сталина». Причем Себежский УР практически входил в Полоцкий УР. А Мозырский УР охранял старую границу южнее Мозыря в районе припятских болот, можно сказать на самом краю немецкого блицкрига.

Таким образом, оборона на «Линии Сталина» для Западного фронта фактически свелась к боям на трех УРах:

- Полоцком укрепрайоне (плюс Себежский);
- Минском укрепрайоне;
- Слуцком укрепрайоне.

А теперь представьте, что было в головах командиров дивизий, корпусов, армий, как более информированных военачальников. Что они видят? Приграничные укрепления располагаются на самой границе в зоне досягаемости немецкой артиллерии, а в некоторых местах вообще находятся на расстоянии «пистолетного выстрела». Естественно, их и накрыла немецкая артиллерия в первые же минуты начала войны. Хорошо так накрыла.

Спрашивается, кто принял такое вредительское для обороны Родины решение, которое по сути своего вредительства понятно не только командирам частей и подразделений, но и простому летехе «Ваньке-взводному». Кто этот «враг народа»?

Ведь даже простой лейтенант понимает, что лучше всего для обороны родной страны отодвинуть «Линию Молотова» вглубь своей территории на расстояние 30 – 60 километров, и не будет никакого внезапного нападения противника.

И это было самое простое понимание, которое не требует каких-то запредельных знаний, доступных лишь военному гению, типа Сталина.

Военные профессионалы более высокого уровня вполне себе догадывались, что такое расположение для обороны – это чистое вредительство! А вот для нападения это наоборот – хороший рубеж атаки на Германию.

И вот на пятый день войны все командиры с надеждой смотрели на укрепления на старой границе (на «Линию Сталина»). Именно там был самый удобный рубеж для остановки немецкого наступления, и именно там можно было дожидаться подхода могучей Красной Армии, после чего ударить по врагу так, чтобы тот катился до самого Берлина!

А рубеж был действительно хорош! Он перекрывал все основные дороги на восток. А между ними простирались непроходимые леса, болота, реки, и другая труднодоступная для грузовиков и танков местность. Так что директива о создании линии обороны по старой границе была неслучайной.

Вопрос теперь стоял, как чисто технически перебросить войска на цепь ДОТов этих укрепрайонов. Например, расстояние от Тальминовичи до Гулевичей (Слуцкий укрепрайон)

составляло 48 км. Пехота такое расстояние пройдет за 12 часов при средней скорости 5 км/час по дороге и двух – трех привалов от получаса до часа. Это в идеале, но по факту на такой путь нужно прибавлять еще по 3 – 4 часа. Как видим, пешком в течении дня собрать войска на таком расстоянии было нереально.

Единственным выходом в данной ситуации был челночный способ переброски войск. То есть, использование грузового автотранспорта (а его крайне не хватало) при одновременном движении пешим строем. Этот способ и помог сводному отряду майора Романова, а ныне отряду сержанта Васильева, добраться до Слуцкого укрепрайона, то есть от станции Тальминичи до района Гулевичей к середине ночи.

На пути, уже поздно вечером, отряд забрала возвращающаяся колонна грузовиков. Полевую кухню «2КО-У» разделили на две части. Заднюю секцию с котлами закатили по доскам в ЗИС-5 (трехтонник), а передок (продуктовый ящик) с оглоблями в другой грузовик. Трех лошадей завели в кузова других автомобилей. Две телеги пришлось бросить, а их содержимое переложить в машины. Бойцы, разместившись в кузовах, подстраховывали ценный груз и тихо радовались, что не нужно идти пешим ходом. За два часа до рассвета отряд уже успел разгрузиться на месте назначения на линии Слуцкого укрепрайона и тут же свалился мертвецким сном, прямо на земле, кто где смог. Грузовики же ушли «челночить» за новой партией пехотинцев.

Ни спящий в обнимку со своим ранцем сержант Васильев, ни его солдаты еще не знали, что, проснувшись рано утром, они не обнаружат подготовленных позиций и боеспособных ДОТов. И что невыспавшимся и усталым солдатам, по сути, не за что будет «зацепиться» перед неотвратимой волной немецкого наступления.

Наши бойцы не знали, что все построенные долговременные сооружения законсервированы и в них нет вооружения. Гарнизон Слуцкого укрепрайона состоит из одного батальона, охраняющего пустые ДОТы и хозяйственные постройки.

Не знали бойцы и того, что всего одним решением, принятым самым всемогущим человеком в СССР, все они еще до войны обрекались в такой ситуации на разгром и гибель. Даже командование 4-ой армией планировало под защитой гарнизона Слуцкого укрепрайона привести войска в порядок, наладить связь и взаимодействие частей. Был даже отдан приказ №6 командарма Коробкова, по которому намечалось строительство первой полосы обороны по линии Слуцкого укрепрайона, с использованием ДОТов как основы таких укреплений. Вторую линию обороны предполагалось строить по речке Случь, с привлечением для его строительства местного населения. Этим же приказом остатки 6-ой и 42-ой стрелковых дивизий, передавались в 55-ю стрелковую дивизию. Эти части совместно с импровизированными сводными отрядами 14-го мехкорпуса и должны были стать тем самым «полевым заполнением» между цепочкой ДОТов и живой силой второй резервной линии по речке Случь.

Эх, если бы до войны товарищ Сталин дал указание строить «Линию Молотова» на расстоянии 30—60 км от границы, то пресловутая «внезапность» в лице немцев докатилась бы до занявших (даже запоздало) бойцов Красной Армии лишь к обеду 22 июня 1941 года (что в реале и случилось в полосе 4-ой армии). Красноармейцы, залегшие в окопах, могли бы спокойно дремать до обеда, ведь ни один вражеский снаряд не помешал бы им дрыхнуть. Они даже не долетели бы до них на такое расстояние. А наша артиллерия, в свою очередь, могла бы свободно расстреливать подходившие отряды врагов еще на подступах.

Эх, если бы товарищ Сталин не законсервировал бы «Линию Сталина», то сейчас бы прорвавшегося врага встретили бы подготовленные ДОТы, между которыми успели бы окопаться полнокровные дивизии, корпуса, армии со своей артиллерией (полковой, дивизионной, корпусной и армейской). На каждый ДОТ построили бы по 2—3 ДЗОТа.

Попробуй взять такой укрепрайон в лоб! А если бы враг подумал его обойти, то и остальные дороги были бы перекрыты такими же укрепрайонами.

Недаром же один немецкий классик сказал: «В России нет дорог, есть только направления»!

Эх, если бы товарищ Сталин не отправил бы на убой все приграничные мехкорпуса методом неподготовленных контрударов (без разведки, без связи, без времени на подготовку и много еще без чего), сколько бы жизней было сохранено. Сколько идейных коммунистов осталось бы в живых. Ведь именно они первыми поднимались в атаку и последними покидали поле боя! Во многом из-за этого потом во власть пролезли те, кто не достоин был высокого звания коммуниста!

Это я про идейных...

Эх, если бы товарищ Сталин не "просохатил" начало войны...

ГЛАВА 10. ЛИНИЯ СТАЛИНА ЛЕЙТЕНАНТА СТАРНОВСКОГО

**Утро 26 июня 1941г. Лейтенант Старновский,
скажите, а когда наша победа наступит?**

Старновский проснулся от яркого солнца, заглядывающего в большое окно. Просыпаться решительно не хотелось. Но сидевшие рядом раненые громко разговаривали:

– Вот скажи мне, где наши истребители? Почему их нет? Ты знаешь, как нас бомбили?

– Да знаю! Ты тысячу раз рассказывал, как тебе осколками ногу посеколо.

– Нет, ты мне ответь, – наседал первый. – Ответь, как летчик, почему?

– Да нечего мне тебе ответить. Разбомбили наш аэродром к чертям собачьим!

– Вот прям так все аэродромы и разбомбили? Все до единого? – Наседал тот, в руках у которого был костыль, а загипсованная нога покоилась на скомканной постели.

Старновский невольно прислушался.

Летчик нехотя ответил:

– Конечно, не все аэродромы. Я знаю, что другие истребительные полки дрались что надо, просто вот именно вам не повезло.

– Ну а почему те, которые уцелели, не летают?

– Вот ты зануда, я же сказал, не повезло просто вам, вас разбомбили, а наши других в это время защищали.

– Ага! – оживился пехотинец. – Значит, мало наших истребителей? Значит, надо было больше из строить!

Тут вмешался третий.

– Да хватит вам спорить. Просто связи сейчас почти нет, вот и не наладили взаимодействия между наземными войсками и авиацией.

– Вам, товарищ полковник, хорошо, вы уже повоевали, а я вот из-за таких... – тут пехотинец споткнулся, побоявшись ляпнуть лишнего, но быстро поправился: – А я вот из-за такого недопонимания между небом и землей раненый сейчас сижу здесь, в госпитале, а мои товарищи там вместо меня дерутся!

– Ну, ты Слава сказа-а-ал! Недопонимание между небом и землей! Где Господь, а где мы, грешные! – съязвил кто-то из угла.

Старновский осторожно встал, боясь расшевелить голову. Перед глазами слегка все поплыло. Кто-то рядом участливо спросил:

– Слыш, лейтенант, давай подсоблю, по нужде, чай, хочешь?

Александр скосил глаза и увидел соседа по кровати, который уже протягивал руку, вторая висела на привязи на груди.

Он с помощью этого товарища встал и пошел.

Сосед бодро заявил:

– Да ты не бойсь, у меня ведь левая перебитая, а правая рука у меня ух, какая сильная. У тебя покурить нету?

Старновский тихо ответил:

– Извини, нету!

– Ну, ничего, давай выйдем на улицу, авось, там на скамеечке кто-нибудь курит. Вот и угостит!

Вместе они кое-как вышли из палаты. Старновский услышал донесшийся из-за спины:
– Контуженый очнулся, повезло ему, руки-ноги целы!

По голосу это был все тот же пехотинец.

На что летчик ответил:

– Это как сказать, голова-то она ценнее!

– А вот не скажи, для нас, пехоты, ноги самое главное!

И дальше у них спор пошел, какое ранение лучше, а какое хуже, и для каких родов войск именно.

Сосед, как только закрыл дверь в палату, вздохнул:

– Вот так и спорят целый день, по поводу и без повода, трепачи!

Когда вышли на улицу, Александр огляделся. Госпиталь располагался в какой-то старинной помещицкой усадьбе в живописном месте.

– Нужник вон там, – сосед кивнул головой направо, а сам пошел в другую сторону, где возле аллеи стояли скамейки.

Старновский напоследок спросил его:

– Слышь, друг, а где мы находимся?

– Недалеко от Минска. В тылу! – и он поспешил к курящим сотоварищам.

Через некоторое время на скамейку рядом присел и Старновский.

– Вот и наш контуженый очухался! – сказал молодой парень, сидящий напротив и куривший самокрутку.

– Ты чего? – одернул его за руку сидящий рядом худенький парнишка. – Это же товарищ лейтенант!

Бугай, у которого под пижамой виднелись бинты, улыбнулся:

– Это он там лейтенант, а здесь раненый, здесь мы все равны, хоть и лежат они в отдельной командирской палате.

– Слыш, Горбачев, заткнулся бы ты, – это Сашин сосед повысил голос.

– А то что?

– А то! Вылетишь отсюда куда положено. Лично сообщу!

– Да ладно, мы же просто так! – бугай встал, следом за ним поднялся и его худенький товарищ с перебинтованной рукой, сказав почти шепотом:

– Ты чего, Семен, взелся, сдался тебе этот лейтенант!

Здоровяк недовольно пробубнил:

– А для чего мы революцию делали, чтобы опять офицерАм привилегии были?

Когда все ушли, Старновский спросил соседа:

– А чего это он?

– Да не обращай внимания. Когда вас привезли, его товарища положили вон туда в сторону на носилках, Тоже в это время привезли. А сестра возьми да и ляпни, сначала, мол, командиров выгружаем. И когда тебя на носилках унесли, его товарищ к тут и умер. Сильно раненый он был. Да ты не бери в голову, он и так был не жилец. И зачем его только вообще везли?

Сосед молча затянулся папиросой, а затем спросил:

– Вот скажи, тебя сильно по башке долбануло?

Старновский невольно дотронулся до солидной повязки на голове:

– Да прилично! А что?

– Да сегодня ночью ты сильно бредил. Ну я и проснулся. Воевал ты, ротой командовал, а потом вдруг спросил кого-то, когда победим? Затем стих, и заулыбался, а потом отчетливо так сказал: «Вот бы дожить!». Ты, вот что, скажи, что тебе во сне-то сказали, когда наша победа-то будет?

Старновский изумленно посмотрел на своего собеседника:

– Я?

– Ну, ты! Что тебе сказали-то? Победим? А когда?

– Не помню! – честно признался Александр, но увидев разочарованную физиономию своего товарища, вдруг спонтанно добавил: – Весной!

– А когда? На следующий год?

– Не помню! – уже более категорично отрезал он. – Не помню!

Однако его сосед нисколько не расстроился, а, наоборот, блаженно улыбнулся, выпустив табачный дым кверху:

– Главное, что победим!

Затем посмотрел на Старновского и подмигнул:

– Живы будем – не помрем! Меня Мишей звать. Лейтенант Архипцев.

– Лейтенант Старновский! Зови просто Саней!

– Ну хорошо, Саня, а теперь пойдем умываться. Скоро завтрак будет, а потом обход. Доктор у нас ой какой сердитый, зато его докторша – красавица!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.